

Юрий Шичалин*

ЗАМЕТКИ О «РАЗМЫШЛЕНИЯХ» Д. В. БУГАЯ**

Бугай Д. В. О новом издании платоновского «Парменида». Размышления о книге: Платон. Парменид. Перевод, введение, комментарии, приложение, указатель имен Ю. А. Шичалина. СПб.: РХГА, 2017. 264 с. // Вопросы философии. — 2018. — № 3. — С. 99–117

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-223-234.

Весьма просторная рецензия Дмитрия Владимировича Бугая, названная им «размышлениями о книге» (Бугай, 2018: 99), на деле представляет собой весьма, скажем мягко, эмоционально написанный текст. От этого наплыва эмоций — сколь бы искренними они ни были — автору научной публикации, конечно, лучше было бы удержаться. Впрочем, похоже, Д. В. Бугай и сам научным свое «размышление» не считает, поскольку в самом начале текста (там же: 100) предупреждает: «sed magis amicus Plato...», то есть без экивоков признает, что истина у него не на первом месте. Поначалу я совсем было решил отказаться от чтения, поскольку очень скоро становится ясно, что Д. В. Бугай имеет весьма смутное представление о том, что пытается излагать и критиковать, а чаще всего просто не знает или не понимает, о чем идет речь. Но, должен признаться, этот эмоциональный накал невольно увлек меня, и мне захотелось понять его причину, потому что научная полемика таких страстей не предполагает.

Д. В. Бугая раздражает многое: немцы XIX в., представители доминирующего подхода к Платону, Теслефф, Дюринг, не говоря уже о моей концепции. Но столь же раздраженно Д. В. Бугай говорит и об Аристотеле. Среди очень немногих («унитаристы» Шори и Чернисс) одобрение Д. В. Бугая вызывает Наторп, который, по словам рецензента, метко назвал Аристотеля «аптекарем» (там же: 104). И вообще, похоже, Аристотель чем-то сильно обидел нашего критика, поскольку только чувством особенной нелюбви и обиды могут быть вызваны те выпады против него, которые мы находим в статье. Д. В. Бугай иной раз как будто забывает, что должен критиковать меня, а не Аристотеля,

*Шичалин Юрий Анатольевич, д. филос. н., graecolatinum@gmail.com.

**© Шичалин, Ю. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и щедро делится с читателем своими откровениями: из рецензии мы узнаем о том, что Аристотель был формалистом по натуре; что его «Аналитики» и «Топика», к счастью (!), оказали влияние только на античность эпохи полного упадка, и при этом неведомо, была ли от них польза для средневековой философии (Бугай, 2018: 104), а также многое другое, о чем пойдет речь ниже.

Мало того, что эти замечания не имеют отношения к делу; но почему вообще, занимаясь Платоном, нужно поносить Аристотеля? Похоже, Д. В. Бугай не понимает, что заниматься научным рассмотрением того или иного автора можно и без сектантской, или, если угодно, партийной преданности изучаемому автору; без того, чтобы кого-то делать кумиром, а его оппонентов считать личными врагами и доблестно с ними сражаться.

Это стремление во что бы то ни стало защитить Платона в равной степени относится и к древним, и к современным авторам. Например, наш критик пишет: «...экстравагантная теория Теслеффа и Ю. А. Шичалина предполагает возвращение к самому необузданному произволу немецких теорий XIX в.» (там же: 101). Чем немцы так перепугали бедного Д. В. Бугая? Неужели тем, что предлагали рассмотреть вопрос о подлинности сочинений платоновского корпуса? Но споры XIX в. по так называемому платоновскому вопросу были чрезвычайно плодотворны и прежде всего привели ученых того времени к хорошему знанию платоновского корпуса. Например, знаменитый атетист Фридрих Аст в ходе этой полемики не только написал замечательную книгу о жизни Платона и его сочинениях, но и выпустил корпус платоновских текстов по-гречески с латинским переводом, а также создал свой знаменитый *Lexicon Platonicum sive vocum Platoniarum index*, который и по сей день остается настольной книгой всякого исследователя Платона. Несколько отменных изданий платоновского корпуса — безусловное достижение этого времени; вспомню хотя бы Готфрида Штальбаума и, в частности, его *Opera omnia* в одном томе, вышедшие со схолиями, — очень удобное издание, которым я постоянно пользовался, пока не было *Thesaurus Linguae Graecae*. Поэтому у меня исследователи Платона и его издатели в XIX в. вызывают самое уважительное отношение, и немцы среди них — не на последнем месте.

Еще в древности знали, что не все диалоги платоновского корпуса принадлежат Платону. И если Д. В. Бугай считает все тексты платоновского корпуса подлинными, так бы и следовало сказать; а если нет, то вместо крика о необузданном произволе немецких теорий следовало

сказать, какие тексты в составе корпуса, на его взгляд, принадлежат Платону, а какие не принадлежат. Я это делаю на с. 248, потому что для любого ответственного изложения Платона необходимо указать, на каких текстах это изложение строится и как его автор понимает прочие тексты, входящие в корпус. Но Д. В. Бугай так не считает, что видно и по его изложению моей модели. Достаточно вспомнить его, а не мое «хронологическое деление» диалогов на «дошкольные» и «школьные», а также следующее его утверждение: «Школа, по Ю. А. Шичалину, фактически и „сделала“ Платона» (Бугай, 2018: 101). Нет, это не по Ю. А. Шичалину, а по Д. В. Бугаю, который берется судить о том, чего не понял.

Это подтверждается и следующими упреками: «Теслефф и Ю. А. Шичалин пытаются увидеть в диалогах разные редакции, разделить диалоги на части и датировать эти самые части» (там же). Но в чем состоит, так сказать, криминал деления исследуемого текста на части? Всякий исследователь, стремясь представить, какова композиция текста, должен выявить, из каких частей этот текст состоит. И почему факт датировки «этих самых частей» повергает Д. В. Бугая в негодование?

Если при этом обратиться к тому, как Д. В. Бугай понимает методы «Теслеффа и Ю. А. Шичалина», то характеристика их дается самая нелепая: «Поскольку любой платоновский диалог может быть разделен на части, исходя из тех или иных установок исследователя, то он, по Теслеффу и Ю. А. Шичалину, и должен был быть написан по этим частям» (там же). На каком основании Д. В. Бугай приписывает мне и почтенному Хольгеру Теслеффу вполне самостоятельно придуманную глупость? Похоже, только для того, чтобы затем победоносно сказать: «Это гиперкритический, субъективистский и механистический метод истолкования» (там же).

Когда читаешь это, невольно всплывают в памяти не столь отдаленные времена принципиальной партийной критики. Удобный метод: придумать нечто, приписать это оппоненту, а затем заклеить его. Например, Д. В. Бугай хочет считать институциональный подход, «говоря проще», «одним из вариантов теории среды» (там же), и начинает объяснять недостатки этой теории, не понимая, что к институциональному подходу «теория среды» и ее толстовское описание (там же: 116) не имеют ровно никакого отношения...

«Ю. А. Шичалин берет на вооружение еще более экстравагантную, чем у Теслеффа, теорию И. Дюринга, по которой Аристотель очень рано, еще в Академии, создал свои топику и логику и оказал большое

влияние на позднего Платона» (Бугай, 2018: 102). Но «экстравагантной» Д. В. Бугай называет теорию Дюринга только потому, что она выходит за пределы его весьма скромного кругозора и никак не вписывается в его представление о Платоне. Конечно, Дюринга можно не принимать и можно с ним полемизировать; однако до начала научной полемики не худо было бы попытаться понять резоны одного из выдающихся знатоков Аристотеля. Но Д. В. Бугай начинает тревожиться всякий раз, когда о Платоне говорят нечто такое, что, на его взгляд, может как-то задеть его кумир. Тогда он немедленно начинает нападать на эту угрозу, часто им же самим и придуманную.

Дюринг, а вслед за ним и Ю. А. Шичалин говорят о влиянии Аристотеля на Платона? Тут же следует отповедь не только Дюрингу и Шичалину, но и Аристотелю: Аристотель, этот «приехавший из отдаленного и дикого уголка Греции разночинец-провинциал», конечно, не мог «серьезно повлиять на давно полностью сформировавшегося, достигшего старости и пользовавшегося всегреческой славой человека, писателя и мыслителя платоновского происхождения и ранга...» (что бы это значило: «мыслитель платоновского происхождения»?). Метод, как видим, все тот же: Д. В. Бугай придумал разночинца-провинциала и тут же заклеил Дюринга и Шичалина: «...все это плод натяжек, неверных толкований и фантазий, не обузданных чувством соразмерности и сообразности... (там же).

Но, право слово, фантазией следует считать как раз то, что говорит об Аристотеле Д. В. Бугай: отец Аристотеля, принадлежавший к Асклеиадам, был личным врачом и другом царя Аминты, так что «разночинец» Аристотель какое-то время рос при дворе и с детства знал сына Аминты — будущего царя Филиппа II, при котором «провинциальная» Македония неоднократно побеждала греков и в конце концов объединила их под своим началом. Поэтому приведенная реплика — очередное проявление обычной пристрастности Д. В. Бугая и его культивированной нелюбви к Аристотелю. Как прикажете оценивать такой, например, пассаж: «Столь любезный Ю. А. Шичалину Аристотель, постоянно „рефлектировавший“ над проблемой причастности в чужих сочинениях и обвинявший Платона в „пустых метафорах“, когда дело дошло до дела и ему самому пришлось указать на отношение между идеальным (его Ум) и материальным (сфера звезд), не смог придумать ничего лучшего, как сказать: „движет как объект любви“, воспользовавшись „пустым сравнением“, взятым из животной жизни» (там же: 113).

Д. В. Бугай может раздражиться еще больше, но не может отметить того, что и Платон в вопросе о причастности действительно не пошел дальше метафор (потому что и идти-то, собственно, некуда); и Аристотель действительно считал Ум (неподвижный Первый двигатель) целевой причиной (в отличие от Платона, который связывал представление об Уме с парадигмой и демиургом). Ни в том, ни в другом обстоятельстве я не вижу повода для эмоциональных всплесков, но при сектантском отношении к Платону они неизбежны.

Не берусь сказать, на каком основании дается и следующий оракул: «Сочинения Аристотеля... погружают нас в атмосферу Академии после смерти Платона, знакомя, хоть очень неясно и путано, с первыми истолкованиями Платона у его первых последователей» (Бугай, 2018: 102). Ради чего эта таинственность? Почему просто не сказать, в каких именно сочинениях, пусть даже «неясно и путано» написанных, Аристотель, уехав из Афин, сумел погрузиться в «атмосферу Академии после смерти Платона» сам и погрузил в нее нас? И почему, спрашивается, Аристотель не мог погрузиться в эту самую «атмосферу Академии», в течение двадцати лет пребывая в ней при Платоне, и не мог отразить ее в многочисленных текстах, написанных тогда? Только потому, что Д. В. Бугай ничего не знает об этом или принципиально не хочет знать, несмотря на наличие обширной научной литературы по этому вопросу? Или еще и потому, что Аристотель, который активно и вполне самостоятельно участвовал в академических дискуссиях, может как-то задеть тот образ Платона, который пригрезился Д. В. Бугаю?

Все, связанное с Аристотелем, вызывает непонимание и, как результат, попытку иронизировать. Например, наш рецензент совсем не чувствует жанровой специфики рассматриваемых текстов. В частности, он не понимает, что такое школьный жанр сводки, и потому уверен, что его не существует (там же: 110). Но если не понимаешь, так посмотри, например, у Йегера или у того же Дюринга, или просто загляни в списки сочинений Аристотеля, или почитай «Метафизику». Конечно, сводки материалов для школьных дискуссий делались и до Аристотеля: достаточно вспомнить *Δισσοὶ λόγοι* — сводку аргументов и примеров для рассуждений *pro et contra* на определенные темы. Разумеется, школьные сводки были у софистов. Использование неких сводок в рамках диалогов находим и у Платона (например, сводка толкований дельфийской надписи *γνώθι σεαυτόν* дана в «Хармиде», небольшую подборку софистических рассуждений находим в «Евтидеме», и др.), и в других текстах, входящих в Платоновский корпус (например, ряд сводок

о поэтах и исполнителях, толкователях поэтов и пр. очевидно используется в школьном «Ионе»). Однако в Академии такого рода сводки становятся рабочим жанром, вероятнее всего, именно при Аристотеле, неутомимом собирателе разного рода материалов. Аристотель рекомендовал, в частности, сводить материалы для обсуждения, распределяя их по определенным темам (ср., например, известнейшее место *Top.* 105b19–25), — одним из результатов этого было ставшее позже общепринятым деление философии на этику, физику и логику. Но наш ироничный критик усматривает жанр сводки уже у Гомера... И заявление В. Д. Бугая о том, что «*dissertatio in utramque partem* — характерная черта почти любого платоновского произведения» (Бугай, 2018: 106), и приводимые им примеры свидетельствует только о том, что наш критик не понимает, о чем идет речь.

Д. В. Бугая также «ничего в точности не известно» «ни о том, чем была Академия во время жизни Платона, ни о том, когда были написаны те или иные диалоги, как именно велись там беседы, когда в точности прибыл Аристотель в Афины, ни о том, как Аристотель там развивался, когда он начал писать и что именно он писал вначале»... (там же: 102). Но решением этих вопросов как раз и занимается историко-филологическая и историко-философская наука, так что тотальное неведение Д. В. Бугая объясняется только тем, что вся та огромная историко-филологическая и историко-философская научная работа, которая велась и ведется учеными, чтобы подойти к корректному пониманию платоновских текстов, не имеет для него смысла и представляется опасной для придуманного им Платона.

В истории науки в любых областях подобных персонажей всегда хватало. Некогда можно было с пеной у рта доказывать, что гелиоцентрическая система немислима, а использование модели Коперника с ее круговыми орбитами планет по сравнению с геоцентрической моделью дает худшие результаты; но можно было, приняв гелиоцентрическую систему и опираясь на результаты наблюдений и расчетов, заменить круговые орбиты на эллиптические, что Кеплер и сделал. Можно было настаивать на том, что нам ничего в точности неизвестно о Луне или о спутниках Юпитера; а можно было изобрести телескоп, что и сделал Галилей, который, ведя планомерные наблюдения, получил сведения о том и о другом. Можно было упрекать того же Галилея в том, что он не разглядел кольца Сатурна; а можно было вместе с Гюйгенсом использовать более мощный телескоп и продвинуть решение этого вопроса. Это всегда было и будет задачей европейской науки: строить

вероятностные научные концепции (модели) и стараться изобрести или усовершенствовать необходимые для их проверки инструменты. При проверке научной концепции может появиться нечто такое, что заставит ее перестроить или даже совсем отказаться от нее. Так, физическая концепция эфира, введенная еще Декартом, активно развивалась в XIX в. и принесла немалую пользу, но позднее от нее отказались, сохранив целый ряд полученных на ее основе результатов (например, преобразования Лоренца).

Нечто в таком же духе происходит с доминирующей моделью платоновского творчества. В свое время она была бесполезна, и достигнутый консенсус относительно состава группы поздних диалогов Платона, я думаю, останется как важный результат, приближающий нас к истине. Но тексты Платона и Аристотеля можно рассматривать в рамках других научных моделей и с использованием других инструментов исследования. При этом создание и разработка новых научных подходов не должны быть связаны с некими партийными пристрастиями исследователя.

Поэтому дело совсем не в том, что я будто бы стремлюсь «найти у Платона то, чего он не хотел и к чему вовсе не стремился» (Бугай, 2018: 104). Д. В. Бугай, я думаю, и сам знает, что не Теслефф с Шичалиным, а Платон поставил диалектику во главе иерархии наук в «Государстве» и настойчиво искал правила определения. Но при этом в Академии разработал диалектику не Платон, а Аристотель, так что Платону очевидным образом пришлось с этим считаться и замолчать о своей диалектике, что он и сделал. В отличие от него Д. В. Бугай продолжает назидать: «Диалектика, искусство беседы, стало для Платона высшей формой знания, поскольку в вопросах и ответах, в чем, собственно, беседа и заключается, можно дать ответ и на вопрос, что есть тот или иной предмет, о котором идет речь, то есть определить его, отделив от всех прочих» (там же: 106). Но Платон-то как раз прекрасно понимал, что обоснованного определения он дать не может.

«Ни творения поэтов, плод божественного вдохновения, ни пространственные речи риториков, описывающие лишь, какова вещь, не говорят нам, что она такое. Это могут сделать только краткие вопросы и ответы» (там же). Но если Платон в ряде диалогов не может сказать читателю, «что это такое», то Платонов Сократ не стыдится в этом признаваться; а поскольку при этом дать верифицируемое определение Платону очень хочется, он в связи с этим и придумывает, например, дизерезу...

Может быть, Д. В. Бугай хочет сказать, что персонажи Платона, задавая свои вопросы и давая на них ответы (или не давая их), всегда

вели беседы в одном и том же ключе, и форма этих бесед никак не менялась? Или что эта форма развивалась сама по себе, а Платон этого просто не замечал? Но если бы даже это и было так, то диалоги все же очевидно различны по форме, и ученый не может не задаваться вопросом о том, как эта форма эволюционировала, то есть какие диалоги были написаны сначала, а какие потом...

Впрочем, менее всего я намерен вступать с Д. В. Бугаем в содержательную полемику и давать какие-то разъяснения по поводу всех его «надуманно, произвольно и, следовательно, неубедительно» (Бугай, 2018: 105) и пр. Что можно объяснить «ругателю закоснелому», заявляющему, что он понимает «мысль и рассуждения Платона... из них самих» (там же: 102) и намерен решать «трудности платоновской интерпретации» «путем внимательного отношения к слову и мысли Платона, к драматической форме и философскому содержанию диалогов» (там же). Д. В. Бугай или самонадеян и, скажем, наивен, или просто не понимает природы научного исследования, если полагает, будто до него никто (взять хоть тех же зловердных немцев, бесконечно издававших Платона) не относился к слову и мысли Платона внимательно, и никто до сих пор не рассматривал «драматическую форму» и тем более «философское содержание». Весь вопрос в том и состоит, как это делать. Впрочем, посмотрим, как делает это сам Д. В. Бугай.

Со ссылкой на В. Ф. Асмуса, сказавшего где-то, что «...закон тождества есть одно из необходимых условий возможности правильного вывода» (там же: 116), Д. В. Бугай всерьез говорит о том, что «возможность логического перехода (ἐπιφέρειν) от „идеи“ к „форме“ (то, что свойственно „идее“, свойственно и ее „форме“) является, собственно говоря, онтологическим основанием силлогистического вывода и одним из вполне правдоподобных вариантов объяснения происхождения аристотелевского силлогизма» (там же: 105). Ничего не скажешь: «происхождение аристотелевского силлогизма» из четвертого доказательства бессмертия души в «Федоне» — сильное наблюдение. Несколько удивляет, правда, что этот «правдоподобный вариант» найден с опорой на Валентина Фердинандовича, а не на анализ «мысли и рассуждения» Платона и Аристотеля «из них самих»; но, должно быть, этого потребовало специфическое «философское содержание» пассажа...

У Д. В. Бугая в его «размышлениях» есть еще не менее смелые сопоставления (не столь важно, сам он это придумал или нет). Например, Д. В. Бугай предлагает в качестве образца для восьми положений второй части «Парменида» первые восемь фрагментов Мелисса в издании

Дильса-Кранца: «Не вдаваясь здесь в тонкости экзегезы поэмы Парменида, можно сослаться на прозу Мелисса, где вначале (фрагменты 1–7 по ДК) доказывается, что существует только одно, а в восьмом фрагменте к основному доказательству (σπμείον) присоединяется ряд апагогических, исходящих из посылки „если бы было многое, то...“. Приняв и несколько изменив эту общую схему рассуждения, Платон делит каждый из ее членов на две части, и пр.» (Бугай, 2018: 111). Но почему-то и в данном случае наш внимательный наблюдатель (чего стоят одни только греческие слова в скобках!) опирается на «прозу Мелисса» у Дильса-Кранца, а не рассматривает «рассуждения» Платона «из них самих»: внимательно приглядевшись ко второй части «Парменида», он мог бы обнаружить много существенных отличий от мнимого образца.

Упомяну в связи с «Парменидом» и следующий курьез. Чтобы подкрепить высказывавшуюся мысль о второй части как пародии на элеатов (там же: 114), Д. В. Бугай пишет: «...еще в античности видели некое нехорошее отношение Платона к двум элейским философам в его словах: „...поговаривали, будто Зенон был любовником Парменида“» (там же). Д. В. Бугай имеет в виду Афиней, который в XI книге «Пирующих софистов» дал подборку материалов о том, что завистливый и злокозненный Платон в своих диалогах постоянно и сознательно лжет. Допустить такого по отношению к Платону Д. В. Бугай не может, но зачем тогда вообще нужно было ссылаться здесь на Афиней? Очень захотелось провести мысль о двух старых элейских гомосексуалах, которые в силу этого печального обстоятельства не могли создать никакого приличного учения? Если Д. В. Бугай не чувствует нелепости этой интерпретации, что ему вообще можно объяснить?

Нелеп и разбор Phil. 17a3–5 (там же: 107–108). Платонов Сократ говорит в «Филебе» о непродуктивности непосредственного перехода от одного ко многому и о необходимости усматривать между ними некое число; Сократ тут же приводит примеры того, что он понимает под числом: Phil. 17a6–b10 — чтобы перейти от единства звучания как такового ко множеству звучащих слов, нужно указать число букв алфавита, из которых эти слова составлены (ниже — Phil. 18b3 sqq. — Сократ раскрывает этот пример подробнее); Phil. 17b11–d6 — между единством некоего музыкального звучания и множеством мелодий также нужно указать число музыкальных интервалов, и пр. (кстати сказать, это один из немногих интересных ходов мысли при описании перехода от одного ко многому; другой интересный ход — представление о материи-грохоте

в Tim. 53a2 sqq.). Таким образом, мысль Платона в «Филебе» о числе между единым и многим в самом же «Филебе» вполне доходчиво разъяснена. Но Д. В. Бугай ничего об этих разъяснениях в «Филебе» не говорит, а предлагает следующую интерпретацию. Указав, что «...свинья и человек разойдутся по разные стороны линии деления, и смешать их станет невозможным» в силу того, что у них разное количество ног, Д. В. Бугай считает, что он тем самым выбил почву из-под ног эристика, и с важным видом учит:

Количество видов и подвидов между общей идеей животного и идеей человека называется здесь числом, которое может быть разным в зависимости от того, какие идеи мы взяли. Если взять платоновские примеры («Софист» 221b; 223b), то между искусством вообще и искусством рыбака-удильщика находятся восемь промежуточных ступеней, а между искусством вообще и искусством охоты на богатых и красивых юношей — десять, что и есть то число между одним (искусством как таковым) и беспредельным множеством (рыбаков с удочками и софистов), о котором идет речь в «Филебе» (Бугай, 2018: 107).

Комментарии, я думаю, излишни, поскольку ясно, что к концепции числа в «Филебе» эти вполне бессмысленные подсчеты «промежуточных ступеней» из «Софиста» не имеют никакого отношения.

При этом Д. В. Бугай не знает, что Филебом Платон назвал Евдокса, известного математика, участника академических дискуссий; где уж тут понять, что имя «Протарх», вообще говоря, очевидным образом указывает на Аристотеля (этого Mr. First Principle, как его назвал один канадский коллега)?

Хотя, на мой взгляд, уровень критики и собственных построений Д. В. Бугая вполне понятен, приведу еще один пример того, как внимательно Д. В. Бугай читает греческий текст. По поводу начала «Теэтета», где Платон, как известно, указывает на переход от пересказанного диалога к прямому, Д. В. Бугай пишет:

Все это вовсе не основательно и не обязательно. На слова Эвклида, что он в своей записи представил разговор между Сократом, Феодором и Теэтетом без элементов косвенной речи, Терпсион отвечает: «В этом-то нет ничего необычного». Действительно, нет, поскольку Платон всегда писал как прямые, так и пересказанные диалоги в зависимости от темы и изображаемой обстановки беседы (там же: 109).

Как видим, опираясь на слова «В этом-то нет ничего необычного», Д. В. Бугай делает весьма важный вывод о том, что «Платон

всегда писал как прямые, так и пересказанные диалоги». Но приведенный «перевод» вдохновлен не Платоном, а В. Н. Карповым (которого Д. В. Бугай журит за «семинарщину в худшем смысле слова»: Бугай, 2018: 100): «И тут нет ничего необыкновенного» (его же имела в виду и Т. В. Васильева: «Да, так это и делается»), тогда как по-гречески читаем: Καὶ οὐδὲν γὰρ ἀπὸ τρόπου, то есть «Да, это совершенно разумно», «И правильно сделал», «Да, это удобно», «Имеет смысл» и пр.¹, то есть Терпсион, поддерживая новшество Евклида, как раз говорит, что да, имеет смысл опускать все эти «я сказал», «а он ответил» и прочие приметы пересказанного диалога².

Этим я и завершу мои заметки о «размышлениях» Д. В. Бугая. Мне искренне жаль, что наш сердитый рецензент изначально предпочел свой образ Платона истине: такая позиция весьма облегчает борьбу с тем, чего не знаешь или не способен понять, но едва ли может сослужить добрую службу ученому. Едва ли удивительно, что в своем пространным тексте Д. В. Бугай обнаружил также профессиональную неподготовленность к научной полемике. Между тем именно заинтересованное в истине профессиональное обсуждение разных моделей платоновского корпуса имеет сегодня первостепенную важность для развития историко-филологической и историко-философской науки о Платоне.

СОКРАЩЕНИЯ

- Crat. *Plato*. Cratylus. Parmenides. Greater Hippias. Lesser Hippias. Cratylus / trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler. — Harvard : Harvard University Press, 1926. — (Loeb Classical Library ; 167).
- LSJ *A Greek-English Lexicon* / H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones, [et al.]. — Oxford, New York : Oxford University Press, 1996.
- Phil. *Plato*. Statesman. Philebus. Ion. Philebus / trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler, W. R. M. Lamb. — Harvard : Harvard University Press, 1925. — (Loeb Classical Library ; 164).
- Tim. *Plato*. Timaeus. Critias. Cleitophon. Menexenus. Epistles. Timaeus / trans. from the Ancient Greek by R. G. Bury. — Harvard : Harvard University Press, 1929. — (Loeb Classical Library ; 234).
- Top. *Aristotle*. Posterior Analytics. Topica. Topica / trans. from the Ancient Greek by H. Tredennick, E. S. Forster. — Harvard : Harvard University Press, 1960. — (Loeb Classical Library ; 391).

¹Schleiermacher: «Gar nicht übel», Jowett: «Quite right», Fowler: «That is quite fitting», Cousin: «Cela me paraît fort raisonnable», etc.. Ср. LSJ: ἀπὸ τρόπου — unreasonable, absurd.

²Ср. ту же формулу в Crat. 421d6: Καὶ οὐδὲν γὰρ ἀπὸ τρόπου λέγεις, то есть «Да, это совершенно разумное, правильное, уместное рассуждение».

ЛИТЕРАТУРА

Бугай Д. В. О новом издании платоновского «Парменида». Размышления о книге: Платон. Парменид. Перевод, введение, комментарии, приложение, указатель имен Ю. А. Шичалина. СПб.: РХГА, 2017. 264 с. // Вопросы философии. — 2018. — № 3. — С. 99–117.

Shichalin, Yu. A. 2018. "Zametki o 'razmyshleniyakh' D. V. Bugaya [Notes on D. V. Bugay's 'Reflection']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 223–234.

YURIY SHICHALIN

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

NOTES ON D. V. BUGAY'S "REFLECTION"

BUGAY, D. V. 2018. "O NOVOM IZDANII PLATONOVSKOGO 'PARMENIDA'. RAZMYSHLENIYA O KNIGE: PLATON. PARMENID. PEREVOD, VVEDENIYE, KOMMENTARIJ, PRILozHENIYE, UKAZATEL' IMEN YU. A. SHICHALINA. SPb.: RKHGA, 2017. 264 s. [ON THE NEW EDITION OF PLATO'S PARMENIDES. REFLECTION ON THE BOOK 'PLATO. PARMENIDES. TRANSL., ED. AND NOTES BY JU. A. SHICHALIN', SAINT PETERSBURG, RHGA, 2017. 264 P.]" [IN RUSSIAN]. *VOPROSY FILOSOFII [VOPROSY FILOSOFII]*, NO. 3: 99–117

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-223-234.

REFERENCES

- Aristotle. 1960. *Topica* [in Ancient Greek and English]. In *Posterior Analytics. Topica*, trans. from the Ancient Greek by H. Tredennick and E. S. Forster. Loeb Classical Library 391. Harvard: Harvard University Press.
- Bugay, D. V. 2018. "O novom izdanii platonovskogo 'Parmenida'. Razmyshleniya o knige: Platon. Parmenid. Perevod, vvedeniye, kommentarii, prilozheniye, ukazatel' imen Yu. A. Shichalina. SPb.: RKHGA, 2017. 264 s. [On the New Edition of Plato's Parmenides. Reflection on the Book 'Plato. Parmenides. Transl., ed. and notes by Ju. A. Shichalin', Saint Petersburg, RHGA, 2017. 264 p.]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 3: 99–117.
- Liddell, H. G., R. Scott, H. S. Jones, et al. 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford and New York: Oxford University Press.
- Plato. 1925. *Philebus* [in Ancient Greek and English]. In *Statesman. Philebus. Ion*, trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler and W. R. M. Lamb. Loeb Classical Library 164. Harvard: Harvard University Press.
- . 1926. *Cratylus* [in Ancient Greek and English]. In *Cratylus. Parmenides. Greater Hippias. Lesser Hippias*, trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler. Loeb Classical Library 167. Harvard: Harvard University Press.
- . 1929. *Timaeus* [in Ancient Greek and English]. In *Timaeus. Critias. Cleitophon. Menexenus. Epistles*, trans. from the Ancient Greek by R. G. Bury. Loeb Classical Library 234. Harvard: Harvard University Press.